

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЦА НА 2022 ГОД. ЧАСТЬ III.

Мурат Лаумулин

главный научный сотрудник КИСИ при Президенте
РК, доктор политических наук, профессор

Прохорова Н.В. Водные ресурсы КНР: проблемы освоения. — М.: ИДВ РАН, 2021. — 248 с.

В серии монографий Института Дальнего Востока ряд работ затрагивает центральноазиатскую проблематику. В частности, к ним следует отнести книгу Н.В.Прохоровой, посвященную водной политике КНР. В ближайшее десятилетие дефицит воды в КНР ещё более обострится. По оценкам экспертов, к 2030 г. КНР будет импортировать из-за рубежа не менее 240 млрд. куб. м воды. Земледелие и скотоводство на севере и северо-западе не могут обойтись без искусственного орошения и дополнительного водоснабжения. Данный фактор уже не первое десятилетие напрямую затрагивает Казахстан. Это заставляет китайцев разрабатывать новые проекты, способные снизить напряжённость в водном вопросе. В реализации глобальных замыслов по освоению природы трансграничья Китай ориентируется на тесное сотрудничество с сопредельными государствами по эксплуатации находящихся в совместном использовании ресурсов, что предполагает развитие и освоение прибрежных территорий, использование земельных и лесных ресурсов.

В КНР работают над формированием законодательства по трансграничным рекам и ищут пути защиты и наи-

более выгодного обоснования своих интересов в данной сфере. Многие специалисты сходятся во мнении, что во взаимодействии по данным вопросам КНР и ее соседи находятся на самой начальной ступени сотрудничества, предполагающего обмен информацией о состоянии трансграничных водных объектов. У КНР существуют планы по увеличению численности населения Синьцзян Уйгурского АР за счет переселения в этот регион этнических ханьцев, а также планы по усилению промышленной базы Синьцзяна и увеличению орошаемых площадей до 600 тыс. га. Решить эти задачи планируется путем забора до половины стока трансграничных с Казахстаном рек Иртыш, Или и др. (всего у Китая и Казахстана 23 трансграничных водотока). Это вызывает серьезные опасения Казахстана за сохранность своей природы. Поскольку до 70 % стока этих рек формируется на китайской территории, практикуемая Китаем схема водопользования вызывает серьезное беспокойство у Казахстана, который еще с начала 2000 х гг. активно пытается согласовать с КНР договор о водodelении.

И только в 2009 г. во время визита Ху Цзиньтао в Казахстан казахской стороне было дано понять, что Китай также осознает необходимость подобного договора. Ввиду продолжающе-

гося бурного экономического развития Синьцзяна и все возрастающей потребности региона в воде сроки возможного подписания данного договора пока не были определены. Китай все еще продолжает опираться на статью № 4 «Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере использования и охраны трансграничных рек», согласно которой, Казахстан не может противодействовать планам КНР по расширению забора воды рек Или и Иртыш, так как это является рациональным подходом китайской стороны.

Автор обращает внимание, что в настоящее время отмечается положительная динамика в разрешении вопросов о водodelении между Казахстаном и Китаем: в 2013 г. было объявлено о создании рабочей группы по вопросам водodelения между двумя странами. В 2015 г. водохозяйственные органы начали переговорный процесс по согласованию проекта соглашения между правительствами двух стран о водodelении трансграничных рек. Ранее стороны сосредоточились на завершении научных изысканий по оценке водных ресурсов двух стран, что должно послужить основой разработки Соглашения по водodelению между Казахстаном и Китаем. Следует заметить, что в сферу влияния казахстанско-китайских переговоров косвенно вовлечена и Россия, так как на ее территорию из Казахстана вытекает река Иртыш, берущая начало в Китае. Но Китай придерживается тактики двухсторонних договоренностей.

Со стороны Китая необходимость подписания договора о водodelении с Казахстаном продиктована, прежде всего, поддержанием экологического баланса в регионе, из-за нарушения которого у КНР могут возникнуть проблемы — в случае, если соль от иссы-

хающего озера Балхаш в Казахстане станет распространяться по ветру и дойдет до ледников Тянь-Шаня. Осевшая на них соль будет способствовать таянию ледников, что негативным образом отразится на экосистемном балансе КНР. Водная политика Китая отличается большим региональным разнообразием. Каждый регион должен находить такие способы ведения хозяйства, которые максимально соответствуют природно-географическим условиям, в которых он располагается. В граничащем с Казахстаном Синьцзяне, который является засушливым регионом, в части водосберегающих технологий заимствуется опыт Израиля, практикуется создание передовых центров по развитию водосберегающего орошения, а также искусственного озеленения.

Справедливости ради следует признать, подчеркивает Г.Прохорова, что для поддержания и защиты экологии в регионе с китайской стороны делается многое. Уровень взаимодействия Китая с сопредельными государствами по использованию трансграничных водотоков за последние 25 лет значительно продвинулся. В настоящее время КНР разрабатывает проекты сотрудничества с соседними странами, подразумевающие доступ Китая к зарубежным водным ресурсам. Китайские специалисты внимательно изучают прецеденты международного права по вопросам освоения и распределения водных ресурсов трансграничных водотоков и активно используют их в разработке собственных подходов. Китайские ученые отмечают эволюцию международной позиции в отношении права государств на трансграничные водные ресурсы: от признания абсолютного суверенитета государств в праве распоряжаться всеми ресурсами на своей территории до признания права на ограниченный суверенитет прибрежных

государств, учитывающий общность владения конкретным водным ресурсом. Китайцы в этой модели делают ударение на праве совместного обладания ресурсом.

В проблеме освоения трансграничных водных ресурсов ключевое место занимает вопрос о фактических и исторических правах на обладание природным ресурсом в конкретной местности. В проекте «Экономического пояса Шёлкового пути» внимание общественности в основном сосредоточено на его сугубо экономических составляющих, и крайне редко говорится об экологических программах Китая, связанных с этим проектом. Основная ветвь западного направления Шелкового пути проходит через Синьцзян Уйгурский автономный район. В пределах СУАР за счет таяния снегов в горах формируется более 570 малых рек. Синьцзян занимает в стране первое место по запасам воды в ледниках. Практически все реки автономного района страдают от чрезмерного забора воды. Подземные воды также характеризуются значительной степенью освоённости, хотя исследования по дистанционному зондированию из космоса показали наличие значительных неразведанных запасов подземных вод. С введением системы прав на воду и мер водосбережения в сельском хозяйстве, в некоторых районах объем водопотребления значительно сократился. В настоящее время многие китайские СМИ проводят идею о том, что для процветания СУАР следует создать масштабную сверхуровневую (не ограничивающуюся в рамках административно-территориальных образований) гидрографическую сеть.

Она должна состоять из каналов по переброске воды (закрытых, открытых, осуществляемых путем самотека или с помощью насосных станций и др.) и водных резервуаров. Ожидается,

что подобная водная политика приведет к созданию в Синьцзяне оазисной экономики, будет способствовать его процветанию, привлечению большого числа туристов, подъему производительности сельскохозяйственного сектора. Намеченное прежде на 2010 г. начало строительства западной ветви Проекта до сих пор откладывается; к тому же появились не сколько других альтернативных проектов сверхдальней переброски воды в этот регион: из Бохайского залива, реки Брахмапутры, водных объектов Казахстана, Киргизии, с территории России. Разрабатывается местный проект переброски в Синьцзян вод Хуанхэ через озеро Цинхайху. Несмотря на кажущуюся неосуществимость большинства из перечисленных проектов, ряд китайских ученых считает, что развитие Синьцзяна невозможно без реализации проектов сверхдальней переброски вод. Однако в стратегии освоения и защиты водных ресурсов СУАР государство исходит также из того, что экосистема региона обладает собственной системой восстановления экологического баланса, и основное внимание следует уделить реализации этого потенциала.

Исследователь отмечает, что применение в СУАР технологий, связанных с восстановлением ландшафтов, имеет важное значение для разработки стратегии взаимодействия с государствами, расположенными по трассе нового Шелкового пути. Так, удалось остановить пересыхание поверхностного стока реки Тарим с мая 2010 г. по май 2011 г., благодаря чему её воды дошли до озера Тайтэмаху. Еще в древности, например, в период правления династии Цин, сельскохозяйственное орошение на берегах Тарима было очень развито. А в 1950 х годах по течению реки было построено более 200 водохранилищ, практически весь сток реки использовали на орошение.

Китайские ученые отмечают, что пояс Шелкового пути исторически занимал территорию с очень чувствительными экосистемами. В особенности подчеркивается, что природные среды Синьцзяна и Центральной Азии тесно связаны между собой особенностями рельефа и водными источниками, и что нарушение экологического баланса на любом отдельном участке этой территории может спровоцировать цепную реакцию экологических проблем в разных государствах. Во время визитов в государства Центральной Азии китайские делегации постоянно подчеркивают, что межгосударственное сотрудничество в рамках проекта Шелкового пути ни в коем случае не может опираться только на экономическую составляющую. Усилены мероприятия по предотвращению формирования песчаных бурь, закреплению песков, водосбережению, созданию оазисов и так называемых зеленых заслонов. Уделяется огромное внимание технологиям обводнения пустынь.

Одновременно озвучивается необходимость сотрудничества с учеными стран, входящих в пояс Шелкового пути. Подчеркивается, что проблемы засух, эрозии почв, опустынивания имеют трансгосударственный характер. В июне 2014 г. ЮНЕСКО признало всемирным наследием отрезок Шелкового пути длиной в 5 тыс. км, простирающийся от Центральной китайской равнины до Семиречья (Казахстан). Данный маршрут, включающий сеть дорог, был назван «Чанъань Тяньшаньским коридором». Современный маршрут, сформировавшийся в период между II веком до н.э. и I веком н.э., начинается от городов Сиань и Лоян, и заканчивается в районе Жетысу (Казахстан). Уже более 15 лет ученые Казахстана и Китая совместно изучают экосистемы бессточных озер Центральной Азии.

Автор приводит важную для нас информацию. В настоящее время проблема борьбы с опустыниванием готовится для внесения в стратегическое планирование проекта Шелкового пути («Один пояс — один путь»). Таким образом, в рамках данного проекта развивается масштабное экологическое строительство, затрагивающее и водные ресурсы. К участию в ликвидации опустынивания будут привлечены многие страны. Линий Шелкового пути несколько, в том числе так называемая «северная ветвь» — через Россию. В КНР давно поднята проблема кризиса в распределении водных ресурсов по территориям экономического пояса Шелкового пути. Считается, что водный кризис в Средней Азии — это не кризис дефицита объемов водных ресурсов, а кризис их распределения. Данный регион оценивается Китаем, как обладающий большим потенциалом в формировании и улучшении систем распределения водных ресурсов.

Китай проводит исследования и привлекает специалистов многих стран к изучению моделей низкочастотной водной экономики и образа жизни. Ещё одна проблема, активно обсуждаемая в научном сообществе — создание моделей горно-морской экономики, основой которой могут стать системы транспортных коммуникаций трансграничного выхода к морям. В Китае проекты данного направления разрабатываются в рамках глобальной программы по объединению рек, озер, каналов и водохранилищ. Особый интерес вызывают внутриконтинентальные проекты по созданию судоходных каналов, объединенных с крупными водными артериями и трассами переброски вод. В настоящее время в китайских СМИ активно обсуждаются проекты морских «шелковых путей». Они предполагают создание специальных маршрутов между внутренними и трансграничными

ми реками Китая и выходами к морям. В отношении трансграничной реки — Иртыш — у Китая также есть планы ее превращения в грузовую артерию Великого Шелкового пути.

В мае 2013 г. при Академии наук КНР был создан Центр изучения экологии и среды Центральной Азии. В настоящее время его отделения, а также исследовательские станции по ведению разнообразных полевых исследований действуют в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане. Центр ведет подготовку кадров для совместных исследований в области освоения и защиты природных ресурсов среднеазиатских стран, расположенных по линиям Шелкового пути. Ведутся подготовительные работы по созданию Фонда совместных геополитических исследований. Особое внимание китайскими учеными уделяется разработке путей решения проблемы Аральского моря. Для этого рассматриваются проекты комплексных мероприятий, включающие комбинации различных вариантов перебросок вод вне территории Китая.

Таким образом, китайские ученые разрабатывают собственные проекты управления ресурсным потенциалом, расположенным в том числе и за границей. В этой связи следует отметить, что восстановление хрупких экосистем, борьба с опустыниванием, создание пейзажных видов, работы по продвижению теорий объединенного комплексного управления водными ресурсами направлены не только на улучшение состояния региональных экосистем, но и на создание инструментов доступа Китая к международным ресурсам.

Однако странам - соседям КНР, подчеркивает автор, следует с осторожностью подходить к внедрению экологических технологий Китая на своих территориях. Среднеазиатским государствам и России следует учи-

тывать возможные последствия, связанные с выращиванием на их территориях трансгенных лесов вне строго отведенных для этих целей экспериментальных площадок — т. е., в промышленных масштабах, для создания пейзажных видов, или противодействия опустыниванию.

России также придется приложить усилия, чтобы не допустить превращения Средней Азии в полигон для воплощения креативности китайской научной мысли, содействовать сохранению биологического разнообразия на территориях среднеазиатских государств, улучшению и сохранению водных ресурсов высокого качества. Автор отмечает, что отдельные направления китайской политики освоения водных ресурсов напрямую затрагивают водную, экологическую и геополитическую безопасность Российской Федерации и ее союзников в Центральной Азии.

Клиновский В.А. Политико-правовая история языковых реформ в Китайской Народной Республике. — М.: ИДВ РАН, 2021. — 176 с.

Другой книгой, затрагивающей отношения Центральной Азии с Китаем (через фактор СУАР), является монография В.А.Клиновского «Политико-правовая история языковых реформ в КНР» в серии изданий ИДВ РАН. В монографии проводится анализ языковых реформ в Китайской Народной Республике. Автор исходит из того, что сегодня на территории Китая проживает большое количество признанных или непризнанных официально национальными меньшинствами народов. Некоторые из них имеют почти такую же древнюю историю, как и ханьцы. На протяжении многих веков отношения китайцев с этими народами были весьма противоречивыми и часто враждебными.

В развитии курса языковой политики КПК в отношении языков малых народов четко выделяются три последовательных стадии: 1) этап плюрализма (1949—1957 гг.); 2) этап языкового монополизма (1958—1978 гг.); 3) этап аккомодационизма, для которого характерно относительное уравнивание в правах общеупотребительного языка и языков национальных меньшинств (с 1978 г. до наших дней).

В 1953 г. 93% населения Синьцзяна составляли неханьские народы, начинает автор. В декабре 1958 г. на одиннадцатой Всекитайской конференции Единого народного фронта было объявлено о том, что «Социалистические отношения между народами страны стремительно развиваются... Интеграция между ними, усиливается». В связи с началом кампании «Большого скачка», связанной с проведением реакционной политики леворадикальной партийной верхушкой, национальные различия в Китае были объявлены преодоленными, и кампания по развитию национальных письменных систем пошла на спад. Ситуация еще больше усугубилась после вооруженного восстания в Тибете в марте 1959 г.

К середине 1990-х годов во внутренних районах страны переход на билингвальное образование был в основном закончен. Однако в приграничной зоне это было сопряжено с некоторыми трудностями, связанными с нежеланием местного населения обучаться китайскому языку или тем более на китайском языке. Главной особенностью политики КНР в отношении языков национальных меньшинств является ее прочная связь с национальной политической государственности.

Проиллюстрировать эту ситуацию автор предлагает на примере языкового планирования в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Со времен образования КНР в этом регионе, достаточно

остро стоит национальный вопрос. В нем традиционно проживают национальные меньшинства, ранее имевшие достаточно слабые контакты с ханьцами, весьма различные по этническому происхождению, относящиеся к разным религиозным конфессиям (хотя преимущественно это мусульмане) и говорящие на различных языках. На современном этапе в рамках многонационального государства, коим сейчас является Китай, любые этнические группы, будь то малочисленные народы или титульная нация, наделяются равными правами: правом на собственную историю и культуру, правом на свободу вероисповедания и так далее. Следует сразу же отметить, что в КНР во второй половине XX в. эти права в основном не ущемлялись сколько-нибудь серьезным образом. Исповедуя идеологию атеизма, китайское руководство, как правило, не навязывало малым народам какие-либо религии и не пыталось искоренять существующие. Так же не отмечалось за этот период масштабных преследований на национальной почве. Однако в других областях культуры отношения китайцев и соседних народов складывались не всегда гладко.

В 50-х годах XX в. Восточный Туркестан (а ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район) был окончательно присоединен к территории Китая. Тюркские народы Синьцзяна, а это большей частью уйгуры, имеют длительную историю и богатые культурные традиции. Естественно, что при новых порядках в условиях коммунистической диктатуры маоистов все они столкнулись с необходимостью мириться с новой идеологией. В первые десятилетия существования КНР западные национальные автономии долгое время не ощущали на себе культурного давления со стороны ханьского этноса в связи с низким уровнем индустриализации и неразвитостью

коммуникаций. Но ситуация изменилась с принятием курса на экономическое развитие этих регионов и началом массовых переселений туда китайцев из восточных районов в 1980-х годах. В это время жители национальных автономий на западе страны стали постепенно ощущать на себе интенсивное влияние китайской культуры. Оно, помимо прочего, состояло в том, что местные языки стали, так или иначе, вытесняться китайским.

Исследователь исходит из того, что этнополитические конфликты в Западном Китае, в том числе в Синьцзян-Уйгурском автономном районе имеют в основе спорный вопрос о принадлежности этих территорий. Идея независимости Синьцзяна, который выпал из состава Китая после падения династии Цин и был заново включен в него фактически насильственным путем, активно пропагандируется отдельными группами лиц и политическими деятелями как в самом Китае, так и за рубежом (преимущественно в исламских государствах). Территория Восточного Туркестана впервые была присоединена еще во II в. до н.э., но после каждого распада китайского государства откалывалась, и суверенитет над ней следующим династиям приходилось восстанавливать военным путем. Народы, населявшие регион в разные исторические эпохи, всегда стремились к независимости от Китая.

Конфликт уйгуров и китайцев принял открытый характер в середине 1990-х годов, затем, после десятилетнего затишья, вновь обострился в конце 2000-х. Руководство КНР, естественно, осознавало неустойчивость положения и принимало различные меры для предотвращения кризисов. Прежде всего, усилия направлялись на экономическое развитие региона с целью создать в нем такие условия жизни, при которых у населения не было бы при-

чин желать дестабилизации. Стремясь осуществить это в кратчайшие сроки, руководство КНР, не тратя времени на подготовку квалифицированных специалистов в самом регионе, направляло их в Синьцзян из других провинций. Этот шаг многие восприняли как попытку этнической ассимиляции местного населения. Однако для нее всегда необходимо некоторое культурное взаимопонимание между народами. На деле уйгуры и этнические китайцы живут весьма изолированно друг от друга. Кроме того, общение между представителями уйгурского и ханьского этноса сильно затруднено. Китайцы, прибывающие с востока, на уйгурском языке не говорят, а для общения между собой выходцы из разных регионов, являющиеся носителями разных диалектов, используют путунхуа.

Уйгуры в начале 1990-х годов преимущественно владели только своим языком. Повсеместно внедряемая государством система билингвального образования призвана решить эту проблему. Однако здесь действует еще один фактор: в Китае предусматривается только изучение представителями малых народов общеупотребительного языка. Китайцы, проживающие в национальных автономиях, по закону не обязаны изучать языки коренного населения. Исключение составляют только лица, состоящие на службе в государственных органах. Но абсолютное большинство их попросту игнорирует это требование. Все это дополнительно способствует отторжению китайского языка уйгурами.

Еще одним результатом претворения в жизнь плана по переходу национальных автономий на двуязычное образование, по мнению автора, является то, что высшее образование в ВУЗах страны осуществляется с начала XXI в. только на китайском языке. В Синьцзяне это привело к резкому сокращению

представителей коренных народов, обучающихся в университетах. До 2004 г. преподавание велось на двух языках, после даже преподавание уйгурской литературы иногда велось на китайском. Вывод национального языка из сферы высшего образования и как следствие — из научной сферы, ведет к тому, что языки нацменьшинств перестают развиваться, теряют способность вырабатывать неологизмы и новые грамматические конструкции. Из-за этого все более удобным для использования во всех сферах жизни становится китайский язык.

При этом нельзя сказать определенно, осуществляют ли китайские лидеры осознанный лингвистид или, пытаясь способствовать развитию культуры малых народов, неожиданно создают для себя побочную проблему. Ситуация, сложившаяся в настоящее время в КНР, не является такой уж специфической. Постепенное исчезновение национальных языков в крупных странах является естественным. В любом многонациональном государстве наблюдаются сходные процессы. Однако при этом далеко не всегда это ведет к открытому выражению протеста представителями различных этнических групп. Здесь играет свою роль уровень культурного самосознания народа. И если говорить о коренном населении Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, то уровень его культурного самосознания весьма высок.

Все это, подчеркивает ученый, естественно, понимают и руководители властных структур КНР. В целом, политика КНР в этой области носит двойственный характер. Государство придерживается официального курса на сохранение и развитие культуры малых народов и законодательно закрепляет их лингвистические права. Но при этом проведение такого курса пересекается с интересами государства в сфе-

ре национальной политики, в результате чего происходит сужение функциональной сферы применения языков.

Таким образом, заключает автор, политика КПК в отношении языков малых народов прошла в своем развитии несколько последовательных этапов, на каждом из которых ее идейные основы значительно менялись.

Дерюгина И.В. Сельское хозяйство Казахстана: конец XIX – начало XXI в. Отв. ред. А.В. Акимов; Институт востоковедения РАН. – М.: Филинь, 2021. – 252 с.

Данная книга, изданная в рамках центральноазиатских исследований ИВ РАН, написана в жанре экономической истории и посвящена эволюции сельского хозяйства Казахстана с конца XIX в. до начала XXI в. В ней впервые в рамках одного исследования дан сквозной анализ трех эпох экономического бытия сельского хозяйства в стране: первая – конец XIX в. – начало XX в.; вторая – 1920–1990 гг. XX в.; третья – конец XX в. – начало XXI в. Книга построена на современных подходах к периодизации экономической истории сельского хозяйства Казахстана. Особенностью является то, что исторические реалии точно соотнесены со статистическими показателями, сделаны попытки отойти от политических оценок, сконцентрировавшись на изучении ретроспективного и современного процесса аграрной эволюции. Работа основывается на новых методиках изучения экономического процесса в сельском хозяйстве, которые включают сравнительно-историческое исследование, статистический анализ больших данных, графическую интерпретацию, циклическую периодизацию экономического роста.

Первый период эволюции, охватывающий конец XIX – начало XX в., непосредственно связан с колониаль-

ной политикой Российской Империи, которая предполагала трансформацию сельского общества через переселение российских крестьян в казахские степи и седентаризацию местного кочевого населения. Второй период, включающий 1920–1990 гг. XX в., – это время жестких преобразований, которые пережил Казахстан в составе СССР. Этот период для сельского хозяйства ознаменовался экономическими и политическими шоками – коллективизацией, освоением целины и трагедией Великой Отечественной войны. Третий период, в котором пребывает аграрный сектор Республики Казахстан с начала 1990-х гг., – это период независимого развития. Руководство Республики Казахстан, взяв курс на создание рыночной экономики, добилось ко второму десятилетию XXI в. относительно стабильного экономического роста в сельском хозяйстве.

В четвертой главе представлен ретроспективный анализ длинных рядов урожайности с 1906 г. по 2020 г. Основой данного анализа стало две оригинальные методики: первая – трендовый метод исследования динамического ряда урожайности, второй – метод изучения циклической неравномерности движения урожайности. Базой изучения циклической неравномерности выступала известная методика Н.Д. Кондратьева, по которой выявлено три цикла урожайности на протяжении начала XX– начала XXI в.

Наибольшее внимание в этой главе уделено визуализации и интерпретации графической информации. В 1920 г. началась советская эра в истории Казахстана и становление социалистического способа производства. Первоочередной задачей советской власти стала национализация земли, в дальнейшем последовала конфискация скота и имущества у зажиточных крестьян и баев. В целях ликвидации дискрими-

нации национальностей были уничтожены земельные привилегии российских крестьян, уравнены права на воду крестьян-казахов с крестьянами-переселенцами; условно обеспечено равноправие всех национальностей при наделении землей.

В 1928–1932 гг. была осуществлена насильственная коллективизация, усиленная гнетом внеэкономических мер принуждения, в частности, плановыми государственными заготовками, ценовой политикой и др. В тесной увязке с коллективизацией была задумана массовая седентаризация кочевых и полукочевых хозяйств, которые должны были быть поголовно коллективизированы. Появилась идея укрупнения и создания колхозно-совхозных комбинатов с однобокой животноводческой специализацией, где обобществленный скот собирался на гигантских необорудованных площадках. Результатом стало резкое падение урожайности и сборов зерновых культур, почти в семь раз сократилось поголовье крупного рогатого скота, в тринадцать раз – поголовье овец.

К началу 1950-х гг. было восстановлено доколлективизационное поголовье скота. Однако программа развития животноводческой базы в Казахстане была свернута, и в середине 1950-х гг. был взят курс на освоение целинных земель и создание крупного зернопроизводящего хозяйства.

В середине XX в. с момента освоения целины произошла резкая смена формы существования земледельческого хозяйства, стал создаваться новый технологический способ производства – трудосберегающий. Для формирования данного технологического способа производства зерновой сектор страны обладал всем набором классических признаков. Громадные пространства, доступные для сельскохозяйственного освоения, позволяли внедрять капита-

лоемкие механические средства труда, способствуя тем самым выдвигению в качестве приоритетного фактора роста в зерновом хозяйстве Казахстана высокой производительности труда. Нехватка рабочей силы для осуществления масштабных проектов освоения целинных земель (эта нехватка возмещалась организованным властями массовым перемещением в Республику населения из центральных районов СССР) создавала мощный дополнительный стимул к экономии труда посредством механизации земледельческих операций. В результате зерновой сектор Казахстана стал развиваться как экспортоориентированное хозяйство, которое во второй половине XX в. выступало поставщиком пшеницы в республике СССР, а впоследствии, с 1990-х гг. – в третий рассматриваемый нами период – на мировой рынок.

В третий период аграрной эволюции (с начала 1990-х гг.) теперь уже независимой Республики Казахстан сильнейшим образом проявились противоречия, исторически заложенные в «социалистической» экономике сельского хозяйства. В свою бытность в составе СССР Казахстан занимал особое место в межреспубликанском разделении труда. Это был регион, располагавший избытком (по отношению к внутренним нуждам) основных сельскохозяйственных ресурсов. Зависимость сельского хозяйства Казахстана от внешнего для него хозяйственного комплекса привела в начале периода независимости к тому, что экономические пертурбации, происходившие вовне, самым непосредственным образом затрагивали сельское хозяйство страны. Иначе говоря, сложившееся в СССР межреспубликанское разделение труда, в которое был вовлечен аграрный сектор Казахстана, создало дополнительные трудности на пути продви-

жения Республики к новой экономической модели сельского хозяйства.

Начало периода независимого развития ознаменовалось разрывом сложившихся экономических (межреспубликанских) связей, и как результат падением производства сельскохозяйственной продукции. Земельная реформа, реально начавшаяся в 1995 г., имела важнейшее значение для формирования рыночного хозяйства. Однако до сих пор имеет место жесткое противодействие ввести частную собственность на земли сельскохозяйственного назначения.

В настоящее время эффективно функционируют три типа хозяйств: сельскохозяйственные предприятия, ориентированные на производство зерна и поставки зерна на мировой рынок, крестьянские (фермерские) хозяйства, специализирующиеся преимущественно на производстве овощей и бахчевых, хозяйства населения, которые производят до 70% всей продукции животноводства. Особое место в аграрной отрасли занимает животноводство. Пережив разрушение кочевого хозяйства, которое на могло автономно существовать ни в структуре экономики Российской Империи, ни в народном хозяйстве СССР, независимый Казахстан стоит перед дихотомией развития животноводческой отрасли – отгонно-пастбищное хозяйство versus крупное стойловое животноводческое хозяйство.

Зерновой сектор сельского хозяйства имеет экспортную направленность. Однако основу экспортного потенциала аграрного сектора в Казахстане составляют сырьевые товары. Около 80% экспортной продукции агропромышленного комплекса реализуется в виде сырья, при этом 42% приходится на злаковые культуры. В числе важных проблем сельскохозяйственной отрасли – высокая импортозависимость по

ряду продуктов, например, таких как мясные и другие готовые продукты. С начала 2010-х гг. правительство усилило внимание к развитию сельского хозяйства, было принято ряд государственных программ, направленных на модернизацию аграрного производства.

Отношение к России в Центральной Азии (история, политика, культура): (Коллективная монография). Отв. ред. Н. П. Космарская; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. – 202 с.

Другая книга в серии изданий ИВ РАН посвящена различным аспектам восприятия России жителями трех стран Центральной Азии — Казахстана, важнейшего стратегического и экономического партнера России, имеющего с ней огромную по протяженности общую границу, а также Киргизии и Узбекистана. Их связи с Россией исторически обусловлены и разнообразны, но сейчас определяются в первую очередь многолетним притоком в страну сотен тысяч трудовых мигрантов. Исследование основано на эмпирических материалах, собранных авторами в 2014–2019 гг. Качественными методами (экспертные и биографические интервью, фокус-группы, контент-анализ сетевых публикаций). Все представленные в книге сюжеты неразрывно связаны с Россией в ее различных ипостасях — как бывшей империи, колонизовавшей бескрайние пространства азиатского материка; как преемницы государства, когда-то общего для многих людей разных национальностей, населяющих сейчас страны региона; как движущей силы в рамках существующего в регионе экономического объединения (ЕАЭС); наконец, как части сохраняющегося в этих странах, но во многом живущего здесь своей собственной жизнью русс-

скоязычного культурного пространства. Издание рассчитано на историков, социологов, политологов; на студентов и аспирантов этих специальностей, на преподавателей вузов, а также на всех читателей, которых могут заинтересовать искренние и непредвзятые мнения о России, высказанные обычными жителями стран — бывших соседей по общему советскому дому.

Knoope Peter, de Leede Seran (eds.). Negotiating Gender in Central Asia: The Effect of Gender Structures and Dynamics on Violent Extremism. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2022. – 164 p.

Сборник «Переговоры по гендерным вопросам в Центральной Азии: эффект гендерных структур и динамика насильственного экстремизма» (под ред. П.Кнопу и С. Леде) посвящена необычной теме. Речь идет о применении насилия в отношении женщин на половой основе. В Киргизии, например, автор соответствующего раздела говорит о «войне против женщин». В целом эти процессы вытекают из роста и возрождения патриархальных отношений и исламизации региона. Два раздела книги затрагивают участие женщин (из Узбекистана и Казахстана) в сирийском конфликте, вопросы их «демобилизации» и адаптации к нормальной жизни.

Starr S. Frederick. Rethinking Greater Central Asia: American and Western Stakes in the Region and How to Advance Them. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2022. – 41 p.

Проф. Фредерик Стар, автор нашумевшей в свое время концепции «Большой (т.е. расширенной) Центральной Азии» решил с учетом изменившейся

геополитической ситуации откорректировать собственную теорию. Напомним, что эта концепция подразумевала объединение региона ЦА с Афганистаном и другими государствами Южной Азии в некий единый геоэкономический конструкт. То есть, фактически подразумевалось, что страны ЦА на себя бремя экономического, прежде всего энергетического, содержания южного соседа. Проект, естественно, провалился, и единственным его следствием стали встречи в дипломатическом формате 5+1 под эгидой США.

Ф.Старр отталкивается от двух геополитических шоков последнего времени: панического бегства американцев из Афганистана и вторжения России на Украину. По его мнению, изменение военно-политической ситуации в Афганистане усилило изоляцию региона и его зависимость от России. Однако, продолжают другие проекты: Юг-Север (через Индию и Иран) и Каракорумский мост из Китая в Пакистан. Все они, так или иначе, касаются Центральной Азии. Но США и Европа остаются вне этого геополитического процесса. Таким образом, подытоживает автор, республики ЦА попадают в транспортный смысл в еще большую зависимость от России и Китая. В этих условиях США и ЕС должны в своей политике в отношении Центральной Азии использовать влияние Турции и государств Персидского залива.

Автор не скрывает опасений, что после Украины Россия может продолжить процесс восстановления советской зоны за счет центральноазиатских республик. Соответственно роль Афганистана (для Запада) не только остается важной, но и возрастает. Также Вашингтон должен восстановить в прежнем и большем объеме свое стратегическое влияние на Пакистан, который единственный, кто способен манипулировать Талибаном. Основ-

ные препятствия на пути реализации западной стратегии в Евразии и Центральной Азии Ф.Старр видит в руководимой Пекином ШОС и руководимым Москвой ЕАЭС.

В конечном итоге автор призывает пересмотреть официальную стратегию США в отношении Центральной Азии. В этом случае Вашингтону понадобится поддержка Великобритании, Турции и Евросоюза. Таким образом, несмотря на тот факт, что проф. Старр назвал свою работу «Пересмотр Большой Центральной Азии», смысл остался тот же. Все упирается в Афганистан как инструмент реализации стратегии Запада по отрыву региона от Большой Евразии.

Российско-китайский диалог: модель 2022: доклад № 78. 2022.А. В. Картунов, К. В. Бабаев, Чжао Хуашэн, Лю Хуацинь и др.; под ред. И. Н. Тимофеева, П. В. Бакулиной, Е. О. Карпинской и др. Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2022. — 82 с.

Центральноазиатская проблематика рассматривается в традиционном обзоре «Российско-китайский диалог» (РСМД) за 2022 г. в евразийском масштабе и в контексте противодействия Западу, политики ШОС и реализации проектов ЕАЭС и Один пояс, один путь.

В работе отмечается, что Москва и Пекин одинаково заинтересованы в безопасности и процветании стран Центральной Азии и Евразии в целом, хотя по отдельным аспектам их интересы могут не совпадать. Экономическое влияние Китая в Центральной Азии растет, одновременно укрепляется и влияние России в сфере безопасности, особенно после вывода американских войск из Афганистана. Москва и Пекин осознают, что только при условии уважения разумных и законных прав и

интересов друг друга в регионе удастся поддерживать стабильность и тренд на развитие.

Евразийский регион поделен авторами на субрегионы: Центральную Азию, Южный Кавказ и Новую Восточную Европу, — в каждом из которых существуют конфликты между соседями или противоречия, связанные с расхождением их интересов. Неоднородность не позволяет обобщать наблюдаемые тенденции, проблемы и интересы стран региона. Так, государства Центральной Азии взаимодействуют со всеми крупными игроками от России и КНР до Индии, Пакистана, США и ЕС.

Москва стремилась продвигать идею диалога ЕС и ЕАЭС, что, по оценкам российских экспертов, с геополитической точки зрения можно объяснить желанием уравновесить влияние Китая в регионе. В 2019 г. Европейский союз обновил стратегию по отношению к странам Центральной Азии. В документе подчеркиваются такие интересы ЕС, как использование транзитного потенциала региона, импорт энергоносителей и доступ на рынки стран ЦА. На последнем месте в этом списке — региональная безопасность. Евросоюз и страны Центральной Азии взаимодействуют в формате встреч министров иностранных дел стран региона с Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности и европейским комиссаром по международному партнерству. В ноябре 2021 г. на очередной встрече обсуждалась ситуация в Афганистане, и государствам ЦА обещали выделить практически половину средств из пакета помощи Кабулу общим объемом около 1 млрд. евро. С 2010 г. Инвестиционный фонд ЕС для Центральной Азии выделяет средства на реализацию проектов по окружающей среде, энергетике и развитию социальной инфраструктуры в регионе.

В 2015 г. премьер-министр Индии Нарендра Модии совершил турне по странам Центральной Азии, после чего официальное взаимодействие Нью-Дели с региональными государствами на разных уровнях интенсифицировалось. С 2019 г. проходит Диалог «Индия — Центральная Азия» на уровне министров иностранных дел, последняя встреча в рамках которого состоялась в декабре 2021 г. в Нью-Дели. Секретари советов безопасности государств ЦА приняли участие в Третьем региональном диалоге по безопасности по Афганистану в индийской столице в ноябре 2021 г., где был представлен общерегиональный подход к ситуации в стране.

27 января 2022 г. состоялся первый саммит в формате Центральная Азия — Индия в связи с 30-летием установления дипломатических отношений с государствами региона, которые входят в ареал «расширенного соседства» Нью-Дели. Подобные мероприятия планируется проводить один раз в два года. С точки зрения экономического влияния на страны Центральной Азии Индия не представляется конкурентом для России и КНР, хотя объемы торговли и планируется увеличить. Однако политический интерес Дели к этим государствам важен в контексте развития внутрорегиональной динамики и взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Распространение индийской мягкой силы в регионе способно сгладить дисбаланс во внешнем социокультурном влиянии на Центральную Азию, где в отдельных странах, например, в Казахстане и Киргизии, мягкая сила США и ЕС превалировала на многих направлениях.

Между продвижением мягкой силы России, КНР и Индии не должно быть идейных противоречий, так как все эти государства входят в ШОС. Москве,

Нью-Дели и Пекину важно понимать, что влияние каждого члена этой организации по отдельности складывается в общее идейно-культурное поле, которое в том числе и представляет собой основу «шанхайского духа». К моменту принятия Индии и Пакистана в ШОС в 2017 г. КНР и Россия уже не считали их присутствие в Центральной Азии угрозой своему влиянию, а изменение геополитической обстановки в мире в 2022 г. делает расширение присутствия Нью-Дели (и Исламабада) в регионе как альтернативы западному влиянию еще более выгодным для России.

При этом ни ШОС, ни ОПОП не позиционируются их членами как «анти-западные» проекты. В среднесрочной перспективе в рамках ШОС, по мнению российских экспертов, было бы правильным обсудить сочетаемость различных вариантов взаимодействия и интеграционных механизмов для понимания того, не пересекают ли они «красные линии» государств-членов, и выработать стратегии сопряжения либо размежевания таких экономических, культурных, информационных, медицинских и других инициатив.

Вместе с тем в отдельных областях наблюдается определенная конкуренция между Россией, КНР и Индией в Центральной Азии, например, в сфере «вакцинной дипломатии» и медицины в целом. Именно соперничество за влияние в регионе выступает движущей силой, которая стимулирует Москву, Пекин и Нью-Дели делать выгодные предложения по поставкам вакцины, безвозмездной помощи, расширению торгово-экономического сотрудничества. В связи с этим для самого Центральноазиатского региона соперничество и конкуренция держав — членов ШОС приносит только выгоду.

По сравнению с другими региональными и глобальными державами Пакистан в целом уделяет меньше вни-

мания сотрудничеству с Центральной Азией как с отдельной зоной. Определенным преимуществом Исламабад считает свое географическое положение, благодаря которому взаимодействие позволяет странам ЦА и западным территориям КНР получить доступ к теплым водам Аравийского моря и порту Гвадар — самому короткому пути отсюда на Ближний Восток и в Западную Азию. Весной 2021 г. было подписано соглашение о строительстве железной дороги Термез — Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар, которая будет возводиться в течение пяти лет и свяжет Узбекистан, Афганистан и Пакистан.

Для Ташкента, активно проводящего политику усиления взаимодействия Центральной Азии и Южной Азии, этот проект позволяет диверсифицировать транспортные маршруты в дополнение к выходу к морю через иранские порты. В июле 2021 г. в столице Узбекистана прошла международная конференция высокого уровня «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», направленная на обсуждение модели взаимовыгодной стратегической связки «Центральная Азия — Южная Азия» в транспортно-логистической, энергетической, торговой, производственной, инвестиционной, технологической и культурно-гуманитарной сферах.

Ситуация в Центральной Азии отличается сложностью и изменчивостью, регион по-прежнему сталкивается с такими угрозами, как терроризм, религиозный экстремизм, транснациональная преступность, торговля наркотиками, нелегальная миграция, нестабильность в Афганистане, экологические катастрофы и т. д. Все это может нанести ущерб интересам двух стран. Безопасность и внутривнутриполитическая стабильность в Центральной Азии важны для России и Китая: они не могут до-

пустить, чтобы турбулентность в государствах Центральной Азии спровоцировала нестабильность в граничащих с ними регионах двух стран. Москва и Пекин поддерживают местные политические системы и системы государственного управления, они не заинтересованы в дестабилизации Центральной Азии в результате действий внешних акторов — инспирированных Западом «цветных революций» или проникновения религиозно-экстремистских и террористических сил.

Россия обладает рядом специфических интересов в регионе. Во-первых, Центральная Азия представляется ключевым участником евразийского интеграционного процесса под эгидой Москвы. Она будет прикладывать все усилия для укрепления ведущей роли ЕАЭС в регионе и продвижения интеграции в рамках Содружества независимых государств (СНГ). Во-вторых, Центральная Азия выступает стратегически важным регионом для России с точки зрения энергетического сотрудничества. В-третьих, Москва заинтересована в трудовой миграции из стран ЦА. За счет нее Россия может восполнить дефицит рабочей силы на низкоуровневых позициях на рынке труда, опираясь в том числе на широкое распространение русского языка в регионе, что упрощает интеграцию мигрантов. Переток избыточного человеческого капитала из Центральной Азии, в свою очередь, помогает сохранить социальную стабильность в государствах — экспортерах трудовых ресурсов. Кроме того, переселение в РФ способствует продвижению российской мягкой силы в Центральной Азии. Денежные переводы мигрантов играют заметную роль в содействии развитию некоторых стран региона. И в этом отношении возможности России несопоставимы с китайскими.

По оценкам авторов из КНР, к интересам Москвы в Центральной Азии

также можно отнести балансирование влияния США и Китая за счет углубленного сотрудничества со странами региона в политике, экономике, энергетике, безопасности и в гуманитарной сфере.

Интересы Пекина в Центральной Азии связаны со следующими факторами. Во-первых, благоприятная ситуация в регионе важна для поддержания безопасности, стабильности и высоких темпов развития западных регионов КНР. Страны Центральной Азии в целом проводят многовекторную и сбалансированную внешнюю политику, не ориентируются на какую-либо одну державу и поддерживают мирное сосуществование и сотрудничество внутри региона, что отвечает интересам Пекина.

Во-вторых, Центральная Азия важна для Китая с точки зрения диверсификации источников энергии. КНР поддерживает целую сеть поставок нефтегазовых ресурсов, в которую входит и этот регион, что позволяет гарантировать энергетическую безопасность страны. Торговля энергоресурсами также позволяет укреплять сотрудничество, отвечая экономическим интересам соответствующих государств ЦА.

В-третьих, Центральная Азия — важный полигон для ОПОП. Благодаря строительству Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), а также реализации конкретных проектов в его рамках Пекин способствует повышению уровня связанности инфраструктуры и эффективности деловых операций в регионе, а также улучшению условий для его интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости. В-четвертых, расширяя масштабные разнородные и многопрофильные обмены и углубляя сотрудничество в гуманитарной сфере, Китай укрепляет взаимопонимание между народами КНР и стран Центральной Азии, в осо-

бенности на молодежном уровне, и создает региональное сообщество единой судьбы.

Россия имеет ряд очевидных преимуществ в реализации своей политики в Центральной Азии по сравнению с Китаем. В области безопасности для ОДКБ, лидирующую роль в которой играет Москва, характерны высокий уровень институционализации и эффективная система внутренней координации. В силу исторических и иных причин Россия занимает более устойчивые позиции в Центральной Азии в области энергетики. Кроме того, уровень вовлеченности РФ в образовательную и научную деятельность в странах региона несоизмерим с китайским. Вместе с тем, по китайским оценкам, перспективы создания политического альянса в регионе, в том числе на базе ЕАЭС, невелики. Некоторые страны обеспокоены тем, что такое объединение наносило бы ущерб их статусу независимых суверенных государств. Кроме того, менее экономически развитые центральноазиатские акторы при вступлении в ЕАЭС были заинтересованы именно в создании новых точек роста в партнерстве с Россией.

В китайских академических кругах принято считать, что экономические проблемы, социальная напряженность и недостатки в государственном управлении, с которыми столкнулись страны Центральной Азии, на первый взгляд вызваны негативным влиянием *COVID-19*, однако на деле все они есть следствие запоздалых социальных, политических и экономических преобразований. Россия и Китай предоставляли помощь странам региона в борьбе с заболеваемостью: были направлены тест-системы, медицинские бригады²⁸ и вакцины против коронавируса. Кроме того, Москва приняла специальные меры по улучшению положения трудовых мигрантов из стран Централь-

ной Азии, а Пекин расширил закупки сельскохозяйственной продукции из региона, особенно из Казахстана.

Негативное влияние на безопасность ЦА может оказать ситуация в Афганистане, сложившаяся после вывода американских войск. Во-первых, занятие Талибаном лидирующих позиций провоцирует активизацию религиозных экстремистских сил в странах Центральной Азии, в результате чего местные власти столкнутся с более сложными политическими проблемами и вызовами в области безопасности. Республики Центральной Азии могут стать более зависимыми от России в вопросах военной безопасности, что, по китайским оценкам, создаст угрозы сохранению их автономности.

Ожидается, что центральноазиатские страны, столкнувшись с угрозами безопасности со стороны Афганистана, повысят свои требования к ШОС, в том числе к России и Китаю. Возрастут запросы на предоставление специального оборудования, обучение персонала и совместное патрулирование в приграничных районах.

Позиции России и Китая в вопросах поддержания мира и стабильности в Центральной Азии, борьбы с «тремя силами зла» и недопустимости длительного присутствия здесь вооруженных сил внерегиональных держав схожи. Две страны готовы к совместным действиям, включая консультации на высоком уровне, обмен информацией, совместные военные учения, совместные заявления и т. д. Китай понимает, что Россия имеет большее влияние на ситуацию в области безопасности в Центральной Азии, чем КНР, и надеется, что Москва продолжит играть стабилизирующую роль в регионе.

Западные эксперты постулируют конкуренцию между Китаем и Россией в ЦА и даже заявляют о неизбежности их конфликта. Однако российско-ки-

тайские отношения стратегического взаимодействия существуют не только на словах, они не вынужденная мера, а осознанный выбор: только при условии уважения Россией и Китаем разумных и законных прав и интересов друг друга в регионе удастся сохранить стабильность и тренд на развитие, а ШОС и ОДКБ смогут гармонично развиваться и дополнять друг друга.

В январе 2022 г. в Казахстане вспыхнули беспорядки, страна пережила самый тяжелый кризис за 30 лет независимости. Президент Касым-Жомарт Токаев запросил помощь ОДКБ. РФ сыграла заметную роль в урегулировании ситуации, отмечалось российско-китайское стратегическое сотрудничество. Во-первых, Москва и Пекин сходятся во взглядах на причины обострения. Официальные лица в обеих странах склонны считать, что беспорядки инициированы внешними силами, однако, по мнению многих представителей академических кругов, внутривластный кризис был вызван противоборством политических сил и экономическими трудностями.

Во-вторых, несмотря на различия в масштабах реакции России и Китая на кризис в Казахстане, между ними налажена координация. Москва — член ОДКБ и имеет оперативный канал связи с Нур-Султаном, что позволило ей сыграть важную роль в стабилизации ситуации. У Пекина есть важные экономические и стратегические интересы в Казахстане, и сотрудничество с

Москвой представляется наилучшей возможностью для их защиты. По оценкам некоторых китайских экспертов, в результате кризиса Россия восстановила стратегическое влияние на Казахстан, что внесло вклад в изменение геополитического устройства постсоветского пространства.

Ввиду краткосрочности кризиса и его комплексного характера крупные внешние игроки не успели оказать сколько-нибудь существенное влияние на его течение, хотя в России и Казахстане распространялись слухи о возможном вмешательстве США. Возможно, события повлияли на решение о передаче власти в Туркменистане путем проведения досрочных президентских выборов в марте 2022 г. По мнению российских экспертов, результатом кризиса в Казахстане в январе 2022 г. стало усиление ОДКБ как региональной организации, так как блоку удалось провести свою первую реальную коллективную операцию.

Таким образом, заключают авторы, кризис в Казахстане продемонстрировал, что в Центральной Азии сохраняются риски дестабилизации в связи с деятельностью террористических и экстремистских движений или с вмешательством внешних сил. Это не отвечает интересам ни стран ЦА, ни России и Китая. Москва и Пекин разделяют общие потребности в сохранении стабильности здесь, и их сотрудничество может стать важной основой региональной безопасности.